

Виноградов И. А.

Н. В. Гоголь и последующая литература: pro et contra

Исследование Гоголю в русской литературе имеет долгую и плодотворную традицию, но начинается с конфликта. Конфликт заключается в глубоком противоречии между содержанием творчества Гоголя и пафосом его ближайших «продолжателей», представителей так называемой «натуральной школы», объединившей собой литераторов западнического направления, во главе с В. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым. Заимствуя «приёмы» Гоголя, литераторы школы «натуралистов» резко расходились с ним в смысле и понимании целей самого творчества. Белинский, как верный выразитель взглядов этой школы, задал в своём зальцбруннском письме к Гоголю весьма долгую «традицию» – принимать в штыки всё *собственно гоголевское*, т. е. всё, не искажённое радикальными интерпретациями. О том, как радикальная «традиция» обошлась с Гоголем в «продолжении» его творчества, как нельзя лучше высказался один из её представителей – друг Белинского В. П. Боткин:

<...> русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 294].

И. С. Тургенев свидетельствовал:

<...> между мирозерцанием Гоголя и моим – лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили <...> [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 825].

Одной из важных причин издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» явилось именно стремление Гоголя сорвать коросту произвольных интерпретаций, приставшую к его произведениям усилиями радикальных критиков, за что писатель и был «наказан» обличительным письмом Белинского. Именно в то время, когда продолжатель Белинского, двадцатилетний Н. Г. Чернышевский, «красный республиканец и социалист» согласно его собственной записи

в дневнике, мечтает о поражении русских в Венгрии¹, Гоголь обращается к современникам с самым патриотическим в истории нашей классической литературы словом. «Нужно любить Россию» – так называется одна из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями», однако патриотическое начало пронизывает буквально каждую страницу этого уникального в нашей словесности сочинения [Виноградов, 2017 а].

Вскоре после смерти Белинского Гоголь предпринимает новую попытку изменить ситуацию, складывавшуюся вокруг его наследия. Ещё в период издания «Выбранных мест...» Плетнёв передал журнал «Современник» в аренду Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву. В 1848 году по приезде в Россию Гоголь, обеспокоенный судьбой пушкинского журнала, по своей инициативе устраивает в Петербурге встречу с молодыми сотрудниками обновлённого издания – И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом, Н. А. Некрасовым. На встрече присутствовали также П. В. Анненков, В. П. Боткин и И. И. Панаев (И. С. Тургенев в то время жил за границей). Судя по дошедшим до нас воспоминаниям участников этой встречи, взаимопонимания между Гоголем и новыми литераторами не возникло. Общение послужило лишь основой для неприязненных мемуаров о Гоголе Панаева, критических замечаний Некрасова, а также Анненкова и материалом для отдельных черт лицемера Фомы Опискина в романе Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»².

Пройдёт немало лет, когда Достоевский сам заговорит вполне по-гоголевски – не только похожим «гоголевским» стилем, но и существом, сокровенным содержанием «Выбранных мест из переписки с друзьями», создав впоследствии их прямое подобие, в новой жанровой форме, – «Дневник писателя». (При этом в самом первом номере «Дневника...» Достоевский вступит в острый, непримиримый спор с своим давним «совопросником» Белинским.) Как заметили ещё современники Гоголя, «Выбранные места из переписки с друзьями» представляют собой своеобразное продолжение широко известного, высоко оценённого Гоголем антизападнического стихотворения поэта Николая Языкова «К ненашим» (1844). По наблюдению В. А. Кошелева, слово «ненаш» для читателя XIX века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля: «Ненаш – *нечистый, недруг, лукавый, бес*»: «И в ходу была поговорка: "А *ненаш* его знает..." Следовательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием – "Бесы"» [Кошелев, 2000: 332]. В этом смысле итоговая гоголевская книга – это прямое преддверие «Бесов» Достоевского, антинигилистических романов А. Ф. Писемского и Н. С. Лескова, разоблачительных образов нигилистов у Гончарова и графа А. К. Толстого – когда все эти писатели обратились к подлинно гоголевским духовным традициям.

Однако это «контрнаступление» талантливых отечественных литераторов было ещё впереди. А пока в русском обществе всё настойчивее заявляли

¹ Чернышевский Н. Г. Дневник 1849, № 2. С апреля 13 // Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 297.

² Высказывалось мнение, что Достоевский присутствовал при этой встрече (подробнее, включая литературу по этому вопросу, см.: [Виноградов, 2018: 171–174]). Однако последний не был сотрудником «Современника» и к 1848 году уже разошёлся с «некрасовцами» – был с ними в ссоре. Так что, более вероятно, что Достоевского никто не приглашал – и источником сведений о поведении Гоголя на вечере послужил ему рассказ Панаева.

о себе «традиции» радикальной школы. В 1855 году Тургенев в беседе с Константином Аксаковым признавался, что Белинский и его зальцбруннское письмо к Гоголю – «это вся его религия» [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 896]. Ранее, в 1851 году, тот же Тургенев в разговоре с будущим «консерватором» Константином Леонтьевым (в ту пору студентом Московского университета) столь же похвально отзывался о суждениях по поводу наследия Гоголя А. И. Герцена. Герцен настаивал на том, что Гоголь – это «бессознательный революционер» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 834].

Год от года последователи «натуральной школы» продолжали выстраивать «аргументы» в пользу своего «понимания» гоголевского наследия. Игнорируя открыто и недвусмысленно выраженное самим Гоголем противостояние западникам, Чернышевский в 1855–1856 годах создал цикл статей, назвав их «Очерками гоголевского периода русской литературы» – где, вопреки заглавию, рассуждал не о Гоголе, а лишь о Белинском и его «школе», т. е. о «единственно верном и правильном» взгляде критика на общество и гоголевское творчество. (На очевидное несоответствие названия очерков Чернышевского их содержанию указывали впоследствии как дореволюционные критики – А. М. Скабичевский, С. А. Венгеров, так и советские исследователи – В. В. Буш, Г. О. Берлинер¹.)

В 1857 и 1869 годах появляются мемуары о Гоголе Анненкова и Тургенева. Главная задача этих мемуаристов состояла в том, чтобы на основании воспоминаний «документально» доказать правоту Белинского в истолковании Гоголя. В свою очередь, на то, что Анненков и Тургенев не вполне достоверны в своих свидетельствах о писателе, указывали даже представители советского литературоведения. Это кое-где отмечали в своих работах о Гоголе В. В. Гиппиус [Гоголь в письмах... 1931: 79] и И. Я. Айзеншток [Айзеншток, 1952: 25–26, 30–31]². Однако идеологические причины в марксистском литературоведении возобладали, так что получилось вполне по-гоголевски: очень хорошо знали, что Ноздрёв лгун, но прибегнули именно к нему.

Особая «заслуга» в антигоголевской кампании, развёрнутой Белинским и его последователями, принадлежит Тургеневу. Показательна хотя бы история известной статьи Тургенева о смерти Гоголя. За публикацию этой статьи он, как известно, был посажен на месяц под арест. Только в изложении самого Тургенева в этой истории был какой-то политический подтекст. На самом деле содержание статьи не давало никакого повода к таким суровым мерам, и наказан был Тургенев не собственно за неё, но за элементарное неподчинение цензурному запрету. Когда 25 февраля 1852 года его статья была запрещена к публикации в «Санкт-Петербургских Ведомостях», Тургенев, игнорируя запрет, самовольно отправил её в Москву для публикации в «Московских Ведомостях», где ничего не подозревавший редактор газеты М. Н. Катков вскоре, 13 марта 1852 года, её и напечатал.

Много лет спустя, в 1869 году, Тургенев, рассказывая об этой истории, намеренно искажил факты. В своих мемуарах он заявил, что будто бы в запрете его статьи в Петербурге сыграло роль некое начальственное повеление «вообще имя Гоголя» в печати «не упоминать» [Гоголь в воспоминаниях... 2013,

¹ Подробнее см.: [Берлинер, 1936: 494, 502–503].

² См. также: [Виноградов, 2009]; [Виноградов, 2017 б: 516–522].

III: 829]. На самом деле было не так. Значительное количество публикаций о Гоголе, о его кончине, появилось в те дни не только в московской, но и в петербургской печати. Гоголь умер 21 февраля. Два кратких извещения о его смерти были напечатаны уже 24 и 25 февраля в «Санкт-Петербургских Ведомостях» и в «Северной Пчеле». В начале марта 1852 года в третьем номере петербургского «Современника» появилось знаменитое стихотворение Некрасова на смерть Гоголя «Блажен незлобивый поэт...» В те же дни в мартовском номере «Отечественных Записок» был напечатан анонимный некролог «Николай Васильевич Гоголь» (возможно, принадлежащий перу Плетнёва). 4 марта в тех же «Санкт-Петербургских Ведомостях», куда за несколько дней перед тем Тургенев отдавал свою статью, была помещена обширная статья о последних днях жизни Гоголя анонимного московского корреспондента – статья весьма насыщенная в отличие от многословной и малосодержательной тургеневской заметки. В начале апреля 1852 года опять-таки в «Отечественных Записках», т. е. там же, в Петербурге, появилась первая биографическая статья о Гоголе П. А. Кулиша.

В запрете статьи Тургенева сыграло роль вовсе не мнимое распоряжение начальства «вообще» не упоминать в печати имя Гоголя, а сомнительная литературная репутация самого Тургенева, а также явные недостатки его некрологической заметки – кроме малосодержательности, в ней явно сквозит стремление автора в связи с кончиной Гоголя заявить о самом себе.

Одним из тех, кто в 1852 году принимал активное участие в судьбе Тургенева – и даже помог ему вскоре освободиться от наказания, стала давняя приятельница Гоголя (а также Пушкина, Жуковского и многих других литераторов) – настоящий духовный друг писателя, Александра Осиповна Смирнова (рождённая Россет). (Смирнова не без оснований называла некрологическую заметку Тургенева о Гоголе «самой нелепой статейкой» [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 271].) В те весенние месяцы 1852 года Смирнова, помимо прочего, поделилась с Тургеневым своими воспоминаниями о пребывании Гоголя за год перед тем, летом 1851 года, в её подмосковном имении Спасском. В «благодарность» за эти воспоминания, а также за оказанную помощь в освобождении Тургенев уже в мае 1852 года оклеветал Смирнову. В разговоре с Ф. И. Буслаевым он заявил, что Смирнова «полагала своей целью убивать» в Гоголе «художника». Пересказывая слова Тургенева, Буслаев записал в своём дневнике:

Происками её и других он сжигал свои сочинения. <...> Эта почтенная дама, из лёгкой по поведению ставшая, как водится, ханжою в летах зрелых, – как нянька, взялась за Гоголя, чтоб поддерживать в нём Христианина против лукавых вспадений художника. Она запрещала ему наслаждаться даже природою. Так однажды летом у неё в деревне он читал Четьи-Минеи – и задумался, да и засмотрелся и увлёкся окрестностями. Тогда эта дама поймала его, как ленивого школьника, на праздной рассеянности – ему стало стыдно – и он принялся за чтение [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 17].

Воспоминания о пребывании Гоголя в Спасском летом 1851 года, записанные, со слов той же Смирновой, в 1854 году П. А. Кулишом и – ещё раз – в 1873 году А. Н. Пыпиным, вполне опровергают и эту клевету Тургенева. Как рассказывала Смирнова Кулишу, однажды она «нашла» Гоголя в гостинной «в необыкновенном состоянии»:

Он держал в руке Чети-Минеи и смотрел сквозь отворённое окно в поле. Глаза его были какие-то восторженные, лицо оживлено чувством высокого удовольствия: он как будто видел перед собой что-то восхитительное. Когда А<лександра> О<сиповна> заговорила с ним, он как будто изумился, что слышит её голос, и с каким-то смущением отвечал ей, что читает житие такого-то святого [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 224].

Из записи Пыпина следует, что описанный случай относится к 1 июля 1851 года – дню памяти святых бессребренников Космы и Дамиана – и что смотревший в окно Гоголь был настолько глубоко погружён в свои размышления, что «как будто» даже «испугался», когда увидел перед собой Смирнову.

«<...> молился он что ли – в экстазе», – сообщала та Пыпину [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 247].

Только очень предвзятым и недоброжелательным умом из этого рассказа можно сделать нелепый вывод о том, будто Смирнова убивала в Гоголе художника и запрещала ему «наслаждаться <...> природою».

В «свидетельствах» Тургенева о взаимоотношениях Гоголя и Смирновой, которая, по словам мемуариста, «из лёгкой по поведению» стала к 1840-м годам «как водится, ханжою», не обошлось и без намёков не весьма приличных. Досужие догадки легко извлекались Тургеневым – вполне «по-ноздрёвски» – даже из писем Гоголя духовного содержания. Тот же Буслаев записал в дневнике:

Тургенев <...> читал рукописные письма Гоголя к этой даме, и тяжёлое чувство оставили они в его душе: постоянно имя Бога, постоянно набожность. <...> «Ещё, – прибавил Тургенев, – во всех письмах Гоголя слышится какое-то смутное чувство – какое-то затаённое признание – как бы сказать – того – что он во всю жизнь свою не имел плотского сочетания с женщиною» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 17].

Очевидно, что именно с этим чтением Тургеневым *нескольких* «рукописных писем Гоголя» к Смирновой (а отнюдь не с чтением письма «Что такое губернаторша» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», как это обычно принято думать [Батюто, 1981: 467]) связан известный сатирический выпад героя Тургенева Базарова в адрес Гоголя в «Отцах и детях»:

С тех пор, как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше¹.

Высказывание, таким образом, отнюдь нельзя приписать исключительно литературному персонажу. Сорокатрехлетний Тургенев оказался в этом случае вполне единодушен с своим юным героем-нигилистом.

До какой мелочности и неприглядности доходила порой ненависть представителей западнической партии к «консерватору» Гоголю, свидетельствуют воспоминания Тургенева о писателе, написанные через много лет после личной встречи. Мемуарист приписал двадцать лет спустя Гоголю «ряд нехороших зубов», в «физиономии» обнаружил «нечто хитрое, лисье», а в характере – «тёмные стороны» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 825]. Как указал тогда же младший современник Гоголя Григорий Петрович Данилевский, ничего подобного «в действительности не было» [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 306].

При всём этом Тургенев не забывал ссылаться на авторитет Гоголя, когда, делая первые шаги в литературе, нуждался в поддержке. Так, благожелатель-

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети // Русский Вестник. 1862. Т. 37. Февраль. С. 634.

ный, вполне комплиментарный отзыв Гоголя о Тургеневе, в письме к Анненкову в 1847 году, сам Тургенев не преминул тогда же привести в письме к Полине Виардо [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 820]. Непосредственно после встречи с Гоголем в 1851 году Тургенев не без гордости даже называл себя гоголевским «учеником» («самым малым учеником его» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 821]), хотя при самой встрече Гоголь, признавая в Тургеневе талант, многозначительно намекал начинающему литератору на то, что злоупотреблять своим талантом не следует. Об этом рассказывал сам Тургенев Смирновой в 1852 году [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 271].

А что злоупотребления талантом у Тургенева действительно были (по крайней мере по оценке Гоголя), свидетельствуют сразу два резко критических гоголевских отзыва о тургеневских произведениях. Так, по свидетельству Марии Владимировны Станкевич, пьесу Тургенева «Нахлебник» Гоголь, невзирая на восторги актёра М. С. Щепкина, прямо называл «безнравственной» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 44]. Аполлон Григорьев, в свою очередь, свидетельствовал:

Тургеневский <...> «Нахлебник», <...> эта «пьеса с причиной», как назвал её *почему-то* покойный Гоголь, – привёл натурализм уже не к комическому, а к отвратительному [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 563].

Речь в драме Тургенева идёт о супружеской измене, совершённой в прошлом покойной матерью юной героини, вследствие чего та оказывалась дочерью жалкого и ничтожного шута – приживала и «нахлебника». Осенью 1849 года это тургеневское произведение было запрещено цензурой как «равно оскорбляющее и нравственность и дворянское сословие»¹. Даже приятель Тургенева Боткин замечал по поводу «Нахлебника», что его «основной мотив не совсем идёт к русской жизни» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 296]. Вполне можно допустить, что именно эту пьесу Тургенева имел в виду Гоголь, когда на последней странице одной из своих записных книжек набросал примечательную заметку с заглавием «О театре». Говоря о «содержании нынешних пиэс», Гоголь писал:

Искусство упало. Высокие доблести, величие духа, всё, что способно поднять, возвысить человека, являются редко. Всё или карикатура, <...> или выдуманная чудовищная страсть, близкая к опьянен<ию>, которой авто<р> старается из всех <сил> дать право гражд<анства> <...> [IX: 576].

По свидетельству доктора А. Т. Тарасенкова, в начале 1852 года Гоголь «с пренебрежением» отзывался также о пьесе Тургенева «Провинциалка», недоумевая, «что это за характер: просто кокетка – и больше ничего» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 908]. Замечание Гоголя относится к героине пьесы, жене уездного чиновника, бесстыдно кокетничающей с влиятельным заезжим графом ради чаемого переезда, вместе с мужем, в Петербург.

Так Гоголь, перемежая похвалы и порицания (что он делал всегда, пытаясь повлиять на окружающих), стремился преподать молодым литераторам оздоровляющий урок.

Тем не менее, несмотря на усилия Гоголя, вопреки суждениям его друзей и единомышленников, понимавших настоящий смысл гоголевского творчества,

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 2. 592–593.

господствующим в журналистике 1850-х годов продолжало оставаться радикальное направление. В 1860-х годах это направление только усилилось. В свои «права» вступила ещё более жёсткая нигилистическая критика. Чернышевскими, Добролюбовыми и Писаревыми выковывался тот дух отрицания исторической России, который вёл к трагедии 1917 года. Дальнейшая история хорошо известна. От заявлений Белинского (в зальцбруннском письме), что «русский народ – <...> это <...> глубоко атеистический народ» [VIII: 504], до атеистов Писарева и Ленина – расстояние лишь во времени, но не в духе. Так, для повзрослевшего, прозревшего Достоевского всё предельно ясно. В 1871 году он пишет Н. Н. Страхову:

Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор ещё цените) был немощен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию и принёс ей сознательно столько вреда <...>¹.

Однако для Ленина, почитателя Писарева и Нечаева, письмо Белинского к Гоголю – «одно из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное <...> значение и по сию пору»². Эти строки были написаны за три года до революции.

Дело, разумеется, заключалось не в отдельных личностях, но в самом духе эпохи. Что говорить об отношении последователей Белинского к наследию Гоголя, если отрицатели не щадили в то время даже Священное Писание. В неотправленном письме к критику 1847 года Гоголь писал:

<...> Пастырей, этих мучеников Епископов, вынесших на плечах святыню Церкви, вы хотите отделить от Христа, называя их несправедливыми истолкователями Христа. Кто же по-вашему ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели [эти] нынешние ком<м>унисты и Социалисты, [объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и гра<бить> тех, которые нажили себе состояние]? Опомнитесь!³

«Всё можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен», – замечал Гоголь [VIII: 268].

К чести русской литературы, несмотря все противоречивые веяния, её главными составляющими остались вера, духовность, любовь к России – в противовес безверию и отрицанию. Гоголевская писательская традиция – и в осуждении порока, и в утверждении добродетели – была сохранена и продолжена, вопреки разрушительным попыткам Белинского и его «школы».

Литература

Айзеншток И. Я. Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 17–38.

Батюто А. И. Примечания // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 416–469.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 207–208.

² Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1969. Т. 25. С. 94.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. С. 388.

Берлинер Г. О. Чернышевский и Гоголь // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 472–533.

Виноградов И. А. П. В. Анненков – биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения. М., 2009. С. 145–155.

Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности. М., 2017. Вып. 1. С. 77–94 (2017 а).

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 3. 1837–1841. М., 2017 (2017 б).

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 6. 1848–1850. М., 2018.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание / Издание подготовил И. А. Виноградов. В 3 т. М., 2011–2013.

Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931.

Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000.